Участие туркменских кавалеристов в военно-политических событиях 1914-18 гг. на территории западных губерний Российской империи / продолжение

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar
написано kitapcy | 23 января, 2025

Участие туркменских кавалеристов в военно-политических событиях 1914-18 гг. на территории западных губерний Российской империи / продолжение Туркмены были возмущены, ведь они уже однажды присягали царю. В конце концов джигиты решили после прочтения муллой сур из Корана произнести по-туркменски слова о даровании России победы и о благополучном возвращении на родину, что, конечно же, не являлось присягой. Комиссаров подобная «присяга» устроила, однако они потребовали, чтобы джигиты прикрепили на грудь красные банты и убрали с полкового штандарта императорский вензель; на что командир полка ответил, что туркмены являются мусульманами и не могут носить красных бантов, а императорский вензель заработан ими ценой собственной крови: под этим штандартом они шли в бой против врагов империи[57].

Наступили тревожные времена. Окружающие части грозили джигитам расстрелом, если они будут продолжать военные действия на фронте. В середине весны полковник Зыков получил новое назначение, а на должность командира полка 18 апреля 1917 г. был назначен полковник Н.П. фон Кюгельген.

После Февральской революции какая-то часть джигитов, видимо, вернулись домой, так как в 1915–1916 гг. по распоряжению командования группы джигитов из Текинского конного полка часто командировали в другие воинские части Юго-Западного фронта.

Поэтому, находясь вне расположения своего полка, они могли вернуться на родину.

Бывший фронтовик, красногвардеец и участник гражданской войны в Закаспийской области И.И.Лавриков вспоминал, что в один из весенних дней 1917 г. «в Самаре в Струковском[58] сквере был митинг рабочих и солдат, и были земляки-туркмены, которые бросили воевать. Большая часть их из Теджена и Мерва. Помню, был один офицер туркмен Ата Мурадов из Дикой дивизии, мы с ним лежали в госпитале. [Среди них] были солдаты Анна Кули Сарыев, Ходжалы Янык, Чары Мурадов»[59].

С марта по июнь 1917 г. полк стоял на территории Западной Украины, входя в состав 8-й армии Юго-Западного фронта. В это же время в полк поступила телеграмма от командира корпуса с запросом: желает ли полк идти на позиции. Туркмены изъявили свою готовность идти в бой. 17 июня 1917 г. Текинский конный полк выступил из деревни Печенежин. Заночевав в австрийском местечке Надворный, полк двинулся дальше, имея приказ взаимодействовать с полками знаменитой Дикой дивизии. Очевидец событий Х.Хаджиев вспоминал: «Через пять минут после выступления с последнего привала мы встретили головную часть дивизии. Здесь было семь наших полков, состоявших из разных национальностей: осетин, дагестанцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей, татар и черкесов. Их своеобразные костюмы, гортанные речи и заунывные звуки зурны – все это было сразу заслонено появлением Текинского конного полка. Статные красивые туркменские аргмаки, высокие и стройные туркмены со своим молодежатым гордым видом, с красивыми ятаганами в дорогой оправе сразу приковали к себе внимание всей дивизии.

Люди из дивизии, влюбленные в наших лошадей и оружие, начали ходить к нам во время стоянки, предлагая большие деньги за жеребцов и ятаганы»[60].

После непродолжительного отдыха дивизия, с которой временно взаимодействовал Текинский конный полк, стала разворачиваться – для атаки на австрийские войска.

Х.Хаджиев писал: «...Неприятель, заметив движение вперед целой дивизии конницы, еще больше усилил артиллерийский огонь. Во время исполнения мною приказания моего начальника глазам моим

представилась удивительно красивая картина, не исчезнувшая из моей памяти до сего дня. Целых восемь дивизий конных полков в развернутом порядке приближались к полосе пыли. Тысячи сабель в руках всадников, как брильянты, сверкали на солнце. Длинная сплошная лента конницы двигалась могучей волной вперед. До этого момента никогда не видавши такого количества конницы в одном месте, я восхищался этой могучей силой. Мне казалось в это время, что она своей массой может все смести со своего пути, и никакой выдержанной пехоте не устоять перед ней»[61]. Это была последняя боевая операция Текинского конного полка на германо-австрийском фронте. После битвы ё туркмены охраняли население г. Калуса и г. Станиславово от мародерства дезертирствующих солдат.

В июле в полк пришла телеграмма от нового командующего армиями Юго-Западного фронта генерала Л.Г.Корнилова с требованием Текинскому конному полку немедленно прибыть в Каменец-Подольский для несения охранной службы штаба фронта. Таким образом, Текинский конный полк поступил в распоряжение будущего организатора и вдохновителя белого движения и вскоре стал его личной охраной. Молодой туркменский офицер Хан Хаджиев стал начальником охраны и доверенным лицом генерала Корнилова.

Вот как описывал автор романа «Генерал Корнилов» Н.П.Кузьмин встречу Корнилова с туркменскими всадниками: «Узкими глазами генерал всматривался в смуглые лица джигитов под курчавыми папахами. Равняясь с муллами, он почтительно прикладывал руку ко лбу, губам и сердцу. Важные старцы отвечали сдержанным наклоном головы.

Возле Хаджиева он придержал коня.

– Сен ким сян? – спросил он по-туркменски. (Ты кто?)

Пораженный звуками родной

речи, Хаджиев ответил по уставу.

– Не из Ахала? – последовал вопрос.

– Никак нет, ваше превосходительство. Я из Хивы.

– Что, корнет, совсем плохая жизнь? – допытывался генерал.

– Чай – нет. Чал – нет. (Чал – верблюжье молоко.)

Хаджиев улыбнулся и ответил, что надеется на улучшение.

– Иншалла! – с самым серьезным видом отозвался генерал и отъехал.

Новый командующий понравился текинцам с первого же дня. «Он мог бы быть хорошим мусульманином. Он, как видно, знает Коран!». Между собой они стали называть Корнилова «уллы-бояр»[62] (великий господин)»[63].

Тем временем Россию все больше и больше охватывала всеобщая революционная истерия. 19 июля 1917 г. по приказу председателя Временного правительства Керенского генерал Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим Русской армией. Вскоре генерал прибыл в Могилев, где находилась Ставка. Корнилова встречали тысячи людей с цветами. Туркмены, охранявшие генерала, вызывали всеобщий интерес и восхищение. Корнилов быстро наводит в Могилеве порядок. Местный совдеп, до этого чувствовавший себя хозяином положения, притих. Ставка помещалась в двухэтажном губернаторском доме. Внутреннюю охрану дома бессленно несли парные часовые-туркмены.

9 августа 1917 г. адъютант Корнилова полковник Голицын приказал начальнику охраны Хаджиеву во главе 40 джигитов с двумя пулеметами сопровождать Верховного главнокомандующего в Петроград. 10 августа Корнилов прибыл в город, где его встречали члены и представители Временного правительства Терещенко, Б.Савинков, Филоненко[64]. В поезде Верховного главнокомандующего остались часовые, а Хаджиев с Корниловым и джигитами на пяти автомобилях подъехали к Зимнему дворцу. Пулеметы системы «Кольт», спрятанные под бурками джигитов, были пронесены: один внутрь дворца, другой – в сад. Восемь джигитов перекрыли вход к дворцу, готовые отразить нападение внутреннего караула; шесть всадников встали у дверей зала; остальные выстроились цепью на протяжении всей лестницы от зала заседаний до сада, где был установлен пулемет[65]. Эти меры предосторожности были предприняты не случайно: существовала информация, что Керенский намеревался арестовать генерала Корнилова, обвинив его во всех неудачах на фронте. В это время немцы активно наступали на Ригу, откуда открывался прямой путь на Петроград. В стране назревал революционный кризис. Корнилов с верными туркменами возвратился в Могилев.

На генерала стали возлагать политические надежды либеральная интеллигенция и крупные промышленники. В этих условиях Керенский созвал 12 августа в Москве Государственное совещание, где собралось более двух с половиной тысяч участников. В тот же день в сопровождении туркмен в Москву прибыл и генерал Корнилов. На Белорусском вокзале генерала встречали десятки тысяч людей, осыпая его цветами.

С утра 13 августа у входа в Большой театр были выставлены часовые-туркмены.

Корнилова восторженные москвичи на руках пронесли к театру. Его появление в зале заседаний вызвало бурю оваций, миллионерша Морозова упала перед ним на колени[66]. Не дожидаясь окончания совещания, генерал выехал в Могилев. Через посредников Корнилов вел переговоры с правительством о создании так называемого Совета народной обороны (председатель – Корнилов, заместитель – Керенский) и о передаче ему всей полноты власти. 23 августа 1917 г. в Ставку приехал Савинков, заверивший главкома в одобрении Временным правительством его проекта. Корнилов решает начать борьбу с большевиками и Временным правительством. 20 августа 1917 г. он отдает приказ о переброске с Румынского фронта 3-го конного корпуса с Дикой дивизией в район Невель – Новосokolьники – Великие Луки, для того чтобы двинуть их на Петроград.

Савинков, по требованию Керенского, просил Корнилова не вводить в Петроград Дикую дивизию, мотивируя это тем, что «инородцы» не должны вмешиваться в «русские дела». Корнилов же настаивал на своем и в конце концов Савинков с ним согласился. 27 августа Керенский потребовал от Корнилова немедленно сдать должность генералу Лукомскому. Однако Корнилов наотрез отказался выполнить приказ главы Временного правительства. В это время Текинский конный полк оставался в тылу Западного фронта в районе Могилев – Минск.

29 августа генералу Крымову был отдан приказ о выступлении на Петроград. В эти дни в Петрограде проходил Всероссийский мусульманский съезд, делегаты которого встали на сторону правительства. Мусульманская депутация была выслана навстречу Дикой дивизии. В числе посланцев находился внук Шамиля, на

авторитет которого возлагали особые надежды. Среди агитаторов был и посланец Закаспийской области, туркмен Овезберды Кулиев, которого Февральская революция застала в Петрограде[67].

«Контрреволюционный мятеж» Корнилова не удался. После проведенной агитации в полках Дикой дивизии стали арестовывать офицеров, и к вечеру 30 августа весь

Кавказский корпус был охвачен волнениями. В Могилеве осталось всего четыре тысячи солдат: до трех тысяч преданных генералу – из Текинского и Корниловского полков – и около тысячи солдат Георгиевского батальона, сильно затронутых большевистской пропагандой.

16 сентября 1917 г. Корнилов, Лукомский и другие участники мятежа были арестованы и помещены в гостиницу «Метрополь». Генерал Лукомский вспоминал: «Внутреннюю охрану нашего арестного помещения нес Текинский конный полк...

Первоначально для охраны нас хотели назначить Георгиевский полк, но текинцы предъявили категорическое требование, чтобы внутреннюю охрану предоставили им»[68].

Пребывание в Могилеве мятежных генералов стало волновать Могилевский и Петроградский советы. Ведь здесь, кроме туркмен, находился и Корниловский ударный полк. Всем было ясно, что, если бы Корнилов захотел, то с помощью этих двух преданных ему частей он мог не только спокойно уйти из-под охраны, но и решиться на куда более серьезные дела. Поэтому было решено перевести арестантов в Быхов, а Корниловский ударный полк отправить на фронт. Командиру полка Неженцеву Корнилов приказал подчиниться, указав на то, что при наличии туркмен за безопасность можно не беспокоиться.

Вскоре из Бердичева в Быхов доставляют арестованных там генералов Деникина Маркова и других в сопровождении делегации Бердичевского совета. Делегацию из Бердичева джигиты не пустили даже во двор, и, когда кто-то из них стал требовать, чтобы их допустили, то «текинцы пригрозили нагайками, и они вынуждены были уйти». Наутро, во время прогулки, делегаты, подошедшие к решетке со двора, стали делать арестованным замечания. Вышедший начальник караула с двумя туркменами отогнал их и выставил караул на улице. Возмущенные бердичевцы

послали в Петроградский совет телеграмму, в которой писали, что охрана генералов «...состоит из 60 солдат Георгиевского батальона и 300 солдат Текинского полка» и что «...текинцы до настоящего времени остаются верными Корнилову и совершенно чуждыми интересам революции»[69].

Деникин писал, что о туркменах в шутку говорили, что на вопрос, какой режим они поддерживают – старый или новый, следовал ответ: «Нам все равно, мы просто режем». Однако это не так. Например, несшим наружную охрану георгиевцам туркмены говорили: «Вы – керенские, мы – корниловские, резать будем»[70]. «Несение службы, – показывал впоследствии на допросе ефрейтор Георгиевского батальона Е.Н.Луговой, – с самого начала было обставлено так, что нас, георгиевцев, ни во что не посвящали, арестованных мы не принимали, их не контролировали и не освобождали; все это было возложено на текинцев, которым мы не вполне доверяли и которые к нам относились враждебно»[71].

В Петрограде подозревали о творящихся в Ставке делах. Поэтому начальником Могилевского гарнизона был назначен сторонник большевиков генерал Бонч-Бруевич. На первом же заседании местного Совета он потребовал немедленного удаления туркмен и перевода арестованных генералов в могилевскую тюрьму.

Одновременно с Закаспийской области шли вести о том, что постигший область неурожай грозит семьям туркмен небывалым голодом. В то же время Областной туркменский комитет на двух собраниях, в конце октября и начале ноября 1917 г., в Асхабаде решил объявить дополнительный набор всадников в дивизион, однако его не успели отправить на фронт. Тогда же была послана телеграмма в Ставку с просьбой о немедленной отправке Текинского конного полка домой – «вдаль от колес русской революции и лиц, могущих воспользоваться им как слепым орудием»[72].

Корнилов, узнав о беспокойстве туркмен, из 40 тыс. руб., собранных для семей арестантов, приказал выдать им 30 тыс. руб., а также написал письмо Каледину на Дон с просьбой оказать помощь хлебом семьям текинцев. Он писал: «Г[осподин] Керенский, которому не удалось заставить Текинский полк

покинуть меня в критическую минуту, для того чтобы по уходе его организовать над нами самосуд, теперь пытается сбить с толку текинцев, стараясь повлиять на них через Закаспийский областной комитет»[73]. Вопрос о туркменах становился все острее. Но генерал-квартирмейстер Дитерихс 29 октября 1917 г. успокаивал генерала Лукомского: «Увод текинцев вымысел. Пока мы здесь с Духониным, этого не будет; и для того, чтобы сохранить текинскую охрану как у вас, так и у нас, мы согласились на уступку влияниям со всех сторон»[74].

Наконец, в Смольном после перемирия с немцами решают раз и навсегда покончить с контрреволюционной Ставкой. 17 ноября 1917 г. на Могилев были двинуты войска. Возглавлял их большевик Крыленко. Ставка стала спешно готовиться к эвакуации в Киев. Но Могилевский совет сорвал их планы: все офицеры были подвергнуты домашнему аресту. Духонин успел отдать приказ, чтобы все части, находившиеся в Ставке, уходили на Дон. Успел он отдать и распоряжение, чтобы были подписаны бланки об освобождении «быховских узников». Еще Духонин сообщал, что к 6 часам вечера в Быхов будет подан поезд, и генералам вместе с джигитами предписывалось отправиться на Дон. Однако состав в указанное время не подошел. Тогда Корнилов вызвал коменданта подполковника Эргардта и приказал ему: «Немедленно освободите генералов. Текинцами изготавиться к выступлению к 12 часам. Я иду с полком»[75]. Освобожденным генералам Деникину, Лукомскому, Романовскому, Маркову, Эрдели и другим руководителям мятежа Корнилов, ради безопасности, предложил отправиться в путь самостоятельно.

Поздно вечером 19 ноября комендант Быховской тюрьмы сообщил георгиевскому караулу о полученном распоряжении освободить генерала Корнилова, который уезжает на Дон. Солдаты приняли это известие без каких-либо сомнений. В караульное помещение в сопровождении офицеров Текинского полка вошел Корнилов. Он обратился к георгиевцам с короткой речью, после чего раздал солдатам за службу 2 тыс. рублей. Туркмены подвели Корнилову тонконового вороного ахалтекинца. Генерал снял папаху, широко перекрестился и дал знак к движению. Перейдя мост через Днепр, полк скрылся во тьме. Из Могилева двигался навстречу 4-й

эскадрон во главе с командиром полка. Надо сказать, что не все в полку захотели участвовать в походе. Это видно, например, из показаний ветеринарного фельдшера первого эскадрона Текинского полка А.В.Храпова: «В час ночи... в первом эскадроне офицеры по тревоге подняли всадников и обоз и приказали немедленно строиться без указания, куда следовать. Все обозные русские отказались выходить и не хотели запрягать. Нас заставили запрягать и следовать под обнаженными шашками... Пройдя не более четверти версты от моста, меня догнал член полкового комитета старший унтер-офицер Ходжинапес Джумиев[76]. Я спросил его, по какому случаю произошла тревога и куда идем. Он мне сказал открыто по-туркменски, что бояр Корнилов убежал»[77].

А Корнилов шел на Дон. Об этом стало известно уже днем. Председатель Викжеля адвокат Малицкий телеграфировал: «Сегодня ночью из Быхова бежал Корнилов сухопутными путями с 400 текинцами. Направился к Жлобину. Предписываю всем железнодорожникам принять меры к задержанию Корнилова. Об аресте меня уведомить»[78].

Текинский полк в это время, замечая следы, делал усиленные переходы по ночам.

Джигиты просто падали от усталости и холода. Обозники, как и следовало ожидать, после первого перехода бежали. На пятый день полк все-таки был обнаружен. 24 ноября клинцовский комиссар Сайковский телеграфировал в Смольный, что Текинский конный полк с двумя отрядами по 300 чел. прошел северо-западнее Клинцов. «К последней стоянке, – говорилось в послании, – пало 40 лошадей. Около половины всадников везут лошадей в поводу. Фураж берется от крестьян силой, так как крестьяне не дают им ни фуража, ни хлеба. Обращение с населением зверское»[79]. Это о туркменах, про которых Ф.Купчинский писал, что они, покупая у местного населения продукты, «аккуратно до педантизма со всеми расплачиваются». И уж совсем бестактно, вырвав целые предложения, в «Истории Гражданской войны в СССР» (М., 1942) приводятся слова Деникина: «В попутных деревнях жители разбегались или с ужасом смотрели на текинцев...»[80]. Однако далее, после слова «текинцев», генерал продолжал: «...напуганные грабежами и

разбоями вооруженных шаек, бороздивших тогда вдоль и поперек Могилевскую губернию. И провожали с удивлением «диких», в первый раз увидев солдат, которые никого не трогают и за все щедро расплачиваются»[81].

За каждым шагом полка следили. Тот же Сайковский рассказывал, что Клинцовский совет забросил своего разведчика в расположение Текинского полка и полученные сведения передавал революционным войскам. Поход Текинского полка продолжался. По неясной причине не вернулся поручик Ранненкамф, высланный с небольшим отрядом на разведку под г. Сураж. Это произвело тяжелое впечатление на весь полк. Корниловцам, оставшимся без разведданных, предложил свои услуги в качестве проводника разведчик большевиков, который и навел полк 26 ноября на засаду.

Отряд в этот день выступил из села Красновичи (южнее г. Суража) и, намереваясь идти на Мглин, подошел к деревне Писаревке. Пересекая железную дорогу, Текинский полк почти в упор был расстрелян пулеметным и ружейным огнем. Понесся большие потери, корниловцы отошли в Красновичи и, предполагая обойти станцию Унеча с другой стороны, к 2 часам дня подошли к линии Московско-Брестской железной дороги. Неожиданно из-за поворота появился бронепоезд (им командовал член ВРК 2-й армии В.И.Пролыгин), и здесь уже полк был встречен артиллерийско-ружейным огнем. Первый эскадрон во главе со своим командиром повернул круто в сторону и скрылся. Забегая вперед, скажем, что первый эскадрон прошел западнее и к полку больше не присоединялся. За Клинцами эскадрон разоружили большевики и всех отправили в минскую тюрьму.

Полк рассеялся. Под Корниловым была убита лошадь. Остатки полка собирались долго. Из 600 всадников собралось всего 125. Остальные погибли или пропали без вести.

Туркмены страшно упали духом: они не понимали, что творилось вокруг. «Ах, бояр! – говорили они Корнилову. – Что мы можем делать, когда вся Россия – большевик»[82].

Многие поговаривали о том, чтобы сдать оружие и вернуться домой, на родину. На возражения офицеров, что тогда Корнилова расстреляют, туркмены отвечали, что они этого не допустят.

Тогда выступил сам генерал. «Я даю вам пять минут на размышление, – сказал он текинцам, – после чего, если вы все-таки решите сдаваться, вы расстреляет меня. Я предпочитаю быть расстрелянным вами, чем сдаваться большевикам». Всадники напряженно молчали. Вдруг командир 2-го эскадрона ротмистр Натансон без папахи, встав на седло, закричал: «Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будет этого, не будет!.. 2-й эскадрон, садись!»[83].

Туркмены уважали этого смелого офицера, который прошел с полком всю войну.

Джигиты 2-го эскадрона вскочили на коней и с полковым знаменем тронулись вперед. За ними потянулись и остальные. Наконец в 7 часов утра 27 ноября полк вышел из полосы болот и, обходя селения, взял направление на юго-восток. В этот день Корнилов решил расстаться с туркменами, полагая, что им самим будет безопаснее двигаться на Дон. Полк командиром полка и семью офицерами должен был продвигаться в Погар и далее на Трубчевск, а Корнилов с отрядом из 11 офицеров и 32 всадников на самых лучших лошадях пошел в направлении Новгорода-Северского. Однако, окруженный со всех сторон, его отряд после боев вынужден был 30-го ноября отойти в Погар, где уже

находился второй отряд полка. Здесь Корнилов, переодевшись в гражданскую одежду, покинул расположение полка и отправился на Дон один. Генерал Деникин полагает, что Корнилов оставил полк, считая бесцельным подвергать дальнейшему риску джигитов и офицеров[84].

Остатки полка простояли в Погаре две недели, собирая отставших. В Погар прибыл и Хан Хаджиев, еще во время боя потерявший из виду полк. Распоряжения так и не последовало. Тогда решено было продвинуться до Новгорода-Северского. Где-то возле Новгорода-Северского Текинский полк принял участие в бою на стороне Украинской рады против большевиков. С согласия местных властей, остатки полка переехали по железной дороге в Киев, где пробыли до вступления в город советских войск.[85] В Киеве часть джигитов вступили в войска Украинской рады, а офицер-туркмен А.Абдулзахидов стал адъютантом и начальником

охраны гетмана П.Скоропадского[86].

26 января 1918 г. в Киеве полк был распущен. Однако 40 джигитов во главе с прапорщиком Балларом Ярановым[87] добрались до Новочеркасска, где их и встретил Корнилов. Здесь очень важно отметить тот факт, что, несмотря на роспуск полка, они прошли десятки километров ради того, чтобы только с разрешения генерала отправиться домой. Корнилов не стал неволить джигитов и дал свое согласие. Но 7 человек во главе с Х.Хаджиевым вступили в ряды Добровольческой армии. Они до самой смерти генерала сопровождали его, караулили его дом, врывались вслед за бесшабашным генералом в станицы.

31 марта 1918 г. под Екатеринодаром (ныне Краснодар), в Елизаветинской станице артиллерийский снаряд разорвался в доме Корнилова... Хан Хаджиев и адъютант

генерала подпоручик Долинский вынесли Корнилова на воздух. Но ничего сделать уже было нельзя. Туркмены плакали не скрывая слез. Генерал Деникин, принявший командование армией, всецело доверял туркменам. Он просил их стать его личными охранниками. Они согласились. Сколько их осталось в живых, неизвестно. Известе только Хан Хаджиев, покинувший с Деникиным Россию и умерший в эмиграции в Мексике, вдали от своей родины. Сохранились сведения о части джигитов Текинского полка, которые в ходе «бегства Корнилова» попали в плен. Член ВРК при Ставке Р.И.Берзин посетил туркмен в брянской тюрьме, где находились 3 офицера и 264 джигита. «Я лично в тюрьме опросил тех, кто говорит по-русски, – писал Берзин 30 ноября 1917 г. в революционный полевой штаб при Ставке, – и выяснилось, что они были слепым оружием в руках 40 офицеров, которые были вместе с Корниловым...»[88] 2 декабря Берзин о том же доносил в Смольный и добавлял: «При встрече с революционными войсками текинцы не поняли, за что им снова приказывают бороться и стрелять. После первых выстрелов они сдались... Из Ставки получено распоряжение текинцев освободить, но так как солдаты на них очень озлоблены, чтобы не было самосуда солдат, Брянский совет решил их под конвоем отправить в гор. Москву, а оттуда домой. Ежедневно отдельными группами приходят и сдаются остальные текинцы... По документам выяснилось, что план корниловцев был:

отправить текинцев на Дон, к Каледину»[89].

Так Текинский конный полк трагически закончил свой поход. Вернувшись на родину, большинство джигитов под командованием бывшего командира 1-го эскадрона Текинского конного полка, а впоследствии главнокомандующего белогвардейскими войсками Закаспия генерал-майора Ораза Берды (Ораза Сердара) воевали против большевиков.

В 1920 г. советское правительство Закаспийской области амнистировало туркмен – участников белого движения. Многие вернулись домой. Кто-то пошел служить в Красную армию, кто-то в советскую милицию, а кто-то даже занимал ответственные посты в советских органах. Есть архивное свидетельство о том, что после окончания Гражданской войны часть бывших джигитов Текинского конного полка служили в охране у главковерха СССР М.В. Фрунзе в Харькове.[90]

В 1920-е – первой половине 1930-х гг. бывшие туркменские конники, находясь в рядах Красной армии, участвовали в подавлении антисоветских восстаний на территории Средней Азии, в том числе и Туркменистана. К сожалению, немало бывших джигитов впоследствии погибли, став жертвами политических репрессий в СССР.

1 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Текинский конный полк: слава и трагедия. Ашхабад, 1992.

2 В декабре 1880 г. русские войска под командованием генерала М.Д. Скобелева осадили туркменскую крепость Геок-Тепе (45 км западнее Ашхабада) в Ахалтекинском оазисе и в ходе кровопролитных боев в январе 1881 г. штурмом овладели ею.

3 Кавалерия. Справочная книжка ИГК. 3-е изд. СПб., 1914. С. 243.

4 Шишов А. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы // ЛитМир – Электронная библиотека: сайт. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=195265&p=10> (дата обращения: 02.12.2015).

5 Кавалерия. С. 243.

6 Звегинцов В.В. Хронология Русской армии. 1700–1917 гг. Хронологический указатель. Париж, 1962. С. 163.

- 7 Асхабад. 1914. 20 декабря.
- 8 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 3639. Оп. 1. Д. 10. Л. 11-11 об; Д. 17. Л. 17–19.
- 9 Асхабад. 1914. 14 декабря.
- 10 РГВИА. Ф. 3639. Оп.1. Д. 3. Л. 1–4; Д. 17. Л. 17–19.
- 11 Арон. Текинцы // Вестник первопроходника. 1963. № 22. С. 9.
- 12 Хаджиев Х. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М., 2014. С. 91.
- 13 См. об этом: Кирилов М.Н. Национальные мусульманские части в годы Первой мировой войны (Текинский и Татарский полки) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды V Международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 года. СПб., 2014. Ч. II.
- 14 Русские и немецкие войска закончили сражение под Лодзью вничью // Русская планета: портал. URL: <http://rusplt.ru/ww1/chronicle/bez-pobed-i-porajeniy-11977.html> (дата обращения: 13.10.2014).
- 15 Асхабад. 1914. 23 ноября; Закаспийская туземная газета. 1914. 14 декабря.
- 16 РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 2. Л. 142–142 об.
- 17 Асхабад. 1914. 14 декабря.
- 18 Там же.
- 19 Там же. 1915. 4 февраля.
- 20 Там же. 3 августа.
- 21 Центральный государственный архив Туркменистана (далее – ЦГАТ). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 4027. Л. 425–429 об.
- 22 Путеводитель по ЦГВИА СССР. М., 1979. С. 627.
- 23 РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 18. Л. 17–19.
- 24 Там же. Д. 23. Л. 3.
- 25 Там же. Д. 22. Л. 460–461.
- 26 Газета издавалась на туркменском и персидском языках на основе арабского алфавита.
- 27 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 23.
- 28 Набат – сахарный леденец местного производства.
- 29 РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 24. Л. 100.
- 30 Там же. Д. 22. Л. 57.31 РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 22. Л.

57; Д. 18. Л. 25.

32 «Письмо от сына вашего Алланура. Здравствуйте, моя дорогая мама. Посылаю сердечный привет. Всем братьям также сердечный привет. Уведомляю вас о том, что нахожусь в плену в Австро-Венгрии. Пришлите сколько-нибудь денег, посылку табака и прочее. До свидания. Остаюсь живым и здоровым. Того же вам желаю. Пишите...». Этот конверт до сих пор хранится у родных А. Овезниязова.

33 Соегов М. Военнопленные и спетые ими песни в лагерях Австро-Венгрии в 1916–1917 годах (в связи с трагической датой – столетней годовщиной начала Первой мировой войны) // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 66.

34 Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands, II. Turktatarische Völker. Kasantatarische, mischärische, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und tscherkessisch-tatarische Gesänge.

Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1952. S. 66–67.

35 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 28.

36 Слезкин Ю.А. Царский смотр. Воспоминания гусарского офицера // Православие и мир: сайт. URL:

<http://www.pravmir.ru/tsarskiy-smotr-vozpominaniya-gusarskogo-ofitsera/#ixzz0BdlPHkpr> (дата обращения:

30.05.2015).

37 Там же

38 Дневники Николая II. Март 1916. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php> (дата обращения:

30.05.2015).

39 ЦГАТ. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 4041. Л. 366; Аннаоразов Д., Гундогдыев О. Материалы Российского государственного военно-исторического архива о Туркмении // История Туркменистана на рубеже XIX–XX

веков и проблемы ее преподавания. Ашхабад, 1997. С. 55–57 (на туркм. яз.); Аннаоразов Д., Сахыдов Т.

Ценный архивный источник об участии туркмен в Первой мировой войне // Туркмен архиви. Ашгабат, 2009.

Вып. 2. С. 64 (на рус. яз.).

40 РГВИА. Ф. 3639. Оп. 1. Д. 23. Л. 17–19; Д. 18. Л. 17–25; Д. 22. Л. 202.

41 Базаревский. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М., 1937. С. 16.

42 Асхабад. 1916. 31 мая.

43 Там же. 30 июня.

44 Керсновский А.А. История Русской армии // Милитера. Военная литература: сайт.

URL:<http://militera.lib.ru/kersnovsky1/15a.html> (дата обращения: 30.09.2015).

45 Балдин П. Наступательный бой 11-й пехотной дивизии в Брусиловском прорыве 4–10 июня 1916 г. //

Старые журналы. Периодические издания СССР: сайт. URL: <http://www.retropressa.ru/nastupatelnyjj-bojj-11-jj-pekhotnoj-jj-divizii-v-brusilovskom-proryve-4-10-iyunya-1916-g/> (дата обращения: 14.10.2014).

46 Базаревский. Указ. соч. С. 91.

47 Там же.

48 Балдин П. Указ. соч.

49 Так в источнике. Венгерской.

50 Базаревский. Указ. соч. С. 92.

51 Там же. С. 93.

52 Там же. С. 92.

53 Дневники Николая II. Март 1916. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php> (дата

обращения: 30.05.2015).

54 Базаревский. Указ. соч. С. 115.

55 Сердар – вождь, предводитель, правитель. Командир 1-го эскадрона ротмистр (потом подполковник) Ораз Берды являлся военным вождем джигитов и на общественных началах заместителем командира полка.

56 Хаджиев Х. Великий Бояр. Белград, 1929. С. 11–12.

57 Там же. С. 46

58 В источнике ошибочно – Струкаловском.

59 Центральный государственный архив политических документаций

- Туркменистана (далее – ЦГАПДТ).
- Ф. 51. Оп. 16. Д. 480. Л. 7.
- 60 Там же. Л. 55.
- 61 ЦГАПДТ. Ф. 51. Оп. 16. Д. 480. Л. 72.
- 62 Должно быть – «улы баяр» (буквально «большой господин»).
- 63 Кузьмин Н.П. Генерал Корнилов // Милитера. Военная литература: сайт. URL:
http://militera.lib.ru/bio/kuzmin_np01/index.html (дата обращения: 17.02.2017).
- 64 Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 91.
- 65 Хаджиев Х. Великий Бояр. С. 104–105.
- 66 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 37–38.
- 67 Гундогдыев О. Трагедия Текинского полка // Вечерний Ашхабад. 1992. 5 июня.
- 68 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 40.
- 69 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 41.
- 70 Деникин А.И. Указ соч. С. 94.
- 71 Гундогдыев О. Указ. соч.
- 72 Деникин А.И. Указ. соч. С. 95.
- 73 Там же.
- 74 Там же. С. 96.
- 75 Там же. С. 144.
- 76 Вероятно, – Ходжанепес Джуммиев. В годы Гражданской войны он командовал батальоном белых на Закаспийском фронте. В 1920-е гг. служил в рядах Красной армии и командовал советским милицейским отрядом по борьбе с басмачеством на территории Туркменистана.
- 77 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 46.
- 78 Там же. С. 47.
- 79 Там же.
- 80 История Гражданской войны в СССР. М., 1942. С. 295.
- 81 Деникин А.И. Указ. соч. С. 153. 82 Деникин А.И. Указ. соч. С. 154.
- 83 Там же.
- 84 Деникин А.И. Указ. соч. С. 155.
- 85 Там же.

86 См.: Павел Скоропадский. Воспоминания (конец 1917 года по декабрь 1918 года) // Uhlib.ru. Библиотека: сайт. URL:

http://www.uhlib.ru/istorija/spogadi_k_nec_1917_gruden_1918/p6.php (дата обращения: 21.09.2015).

87 Б. Яранов (1894–1944) в годы Гражданской войны воевал на стороне белых на Закаспийском фронте. В 1920-е гг. командовал советским милицейским отрядом по борьбе с басмачеством на территории Туркменистана и Средней Азии.

88 Гундогдыев О., Аннаоразов Д. Указ. соч. С. 53.

89 Там же.

90 ЦГАПДТ. Ф. 51. Оп. 16. Д. 94. Л. 4.

Журнал: «XX ВЕК И РОССИЯ: общество, реформы, революции», САМАРА-2017. Вып. 5. Taryhy makalalar